
*Стихи выдавливать по капле,
как кровь из пальца в полусне,
и время изводить, пока плеврит
не смоем по весне —
о том ли в горле пело утро,
когда, гадая по руке,
я светлые черты маршрута
проглядывала вдалеке,
и выбегала на дорогу,
и чувствовала, как легко
мои босые ноги могут —
и по камням, и над рекой...
О, сколько было этих весен,
пока затягивало в дым,
где в обмороке зимних сосен
мои закутало следы.*

*И кажется: зима навеки
и в горле блеск ее блесны,
и льдинки падают на веки,
и капаят под веки сны...
И слышно, когда все стихает,
как снега сонного бруски
шипят и тают под стихами,
накапавшими из руки.*

*Как мало стен в однушке для двоих!
Захочешь быть хоть сколько-то поэтом,
Закроешься, зачнешь тоскливый стих,
Заходишь ты — за ручкой, за советом —
на пять минут. Проходит два часа.*

*Тебе звонят, ты куришь на балконе...
И света вечереет полоса,
и щеки упираются в ладони.
Квартплата, власть, фейсбук, электорат,
культура, самиздат, литература...
И сам ты собеседнику не рад,
и падает окурочек на окурочек.
А я уже пролезла две стены,
я съела все конфеты из коробки,
но никакие буквы не видны
на ровно сложенной бумажной стопке.
И никакие не видны стихи
в ближайшем будущем, как равно и в далеком,
и нужно рыбу чистить для ухи...
И нет смешнее в мире чепухи,
чем навалить любимому с намеком
вот эти стихотворные штрихи.*

*Что-то немощно стало дышать,
расшатались качели строки...
Отойду, чтобы вам не мешать,
похожу у весенней реки.
Безо всякой печали, легко,
не жалея о годе былом,
совершается ледоход —
все, что крепло и вызрело льдом
превращается в мягкость воды,
забывает углов острие,
умирает обмылком седым
и стихи, умирая, поет.
Вы учили не звать и не греть,*

*представляться гранитом руки —
и на том вам спасибо, но впредь
я учиться хочу у реки.
Я кусок огрубевшего льда
из продрогшей груди извлеку
и волне молчаливой отдам,
и сама за волной побегу.
Далеко, далеко, далеко
разольется больная шуга
молодую веселой рекой —
я ее заведу под рукав,
через горло и грудь пропущу.
Я была слюдяною скалой,
а теперь, улыбаясь, плещусь
рядом с вашей сухою толпой.
Бейте смело ногами в меня!
Собирайте в усталой горсти.
В каждой капле весенней звеня,
я спою вам на память стихи.*

*Куда пойти из дома сонного
за дорогими разговорами?
Гудит пространство заоконное
словами вздорными, раздорными.
Зайдешь в какую-нибудь комнату,
робея дружбы и поэзии,
а попадешь в кружочек сомкнутый,
где все о памятниках грезят.
Я тоже, в общем, из беспамятных,
но помню слово изначальное,
и я прошу: поставьте памятник
моим родителям печальным.
Не провели, но время сделали
из собственной горячей крови,*

*и ничего они не ведали
на свете, кроме глаз коровьих.
И ничего они не видели,
а только маялись, работали,
а мира солнечные жители
на их плечах толклись обувьюми.
И все держалось, да и держится,
пока на кухне ранним утром
фиалки розовые нежатся —
на подоконнике протертом.
Фиалки розовые, синие —
согреты маминой рукою,
а папы руки парусиновые
растили нежностью другою.
Не жизни ярким победителям
и не поэтам этим скверным
прошу, а памятник родителям
поставьте в Первомайском сквере.*

*Над городом — пасхальный перезвон.
У мамы все готово для обеда,
и я, поднявшись в полдень, к маме еду
и на ходу застегиваю сон.
Во сне весна и верба за окном
и на губах победная молитва —
окончена очередная битва,
и поле брани в холоде стальном,
и я как будто ангел в поле том.
Чернеют лица павших в лунном свете
косыми ранами, и раны эти
я исцеляю огненным крестом.
И тот, кто был посланником небес
и кто на бой из-под земли поднялся —
все, оживая, я могу поклясться,*

*поют один куплет: Христос воскрес!
Христос воскрес, оплатим за проезд!
Автобус. День. Расстегиваю куртку.
Громоподобный праздничный кондуктор
в конец салона сквозь толпу пролез.
Возьми, кондуктор, деньги и оставь
меня с моими ласковыми снами,
нас всех когда-то дерево познаний
стреножило и выбросило в явь —
с тех пор мы любим спать и сочинять,
и на застольях поднимать бокалы...
Верни, кондуктор, сдачу, что упала,
и расцветет с тобою благодать.
Скандал. Автобус. Выбираюсь вон.
Обед. Диван. Усталость. Телевизор.
Любовью беспредельною пронизан —
над миром всем — пасхальный перезвон.*

*У Рябова настроен «Телеграм»,
а дух расстроен.
Я Рябову свой легкий дух отдам
и в сердце встрюю.
Задышит Рябов часто и светло
и скажет: «Криста!
Я видел, как сквозь тусклое стекло,
теперь — все чисто». ■*

